

месяца подготовки — и отправка на фронт. Первое боевое крещение приняли под Старой Руссой. Сначала попали всем эшелонам под бомбежку недалеко от места выгрузки. Пешим порядком вышли к передовой. Затем тринадцать дней изнурительных боев, и полка почти не стало. Там узнал Алексея, что такое шквальный огонь из немецких укреплений и бешеные контратаки фашистов, под давлением которых необстрелянные бойцы их полка пятались, а то и беспорядочно бежали. От этого его еще долго жгли обида и стыд. Остатки 20-го полка были переданы соседней части. В числе их был и Алексей. Здесь народ оказался поопытней. Попытки немцев улучшить свои позиции солдаты отбивали со спокойной деловитостью. Беря на мушку бегущие фигуры фашистов, Алексей уже не томился мыслью, что стреляет по живому человеку, ненависть к врагу обрела конкретность: он мстил за погибших в первых бо-

новичков, прислушивался, приглядывался. И вдруг вполголоса тому, который приглянулся: — В чужие огороды лазил? — Было... А что? — заражаясь таинственностью, почти шептал в ответ иной новобранец. — А попадался часто? — допытывался Алексей и, удовлетворенный ответом, приглашал в разведку. Присем, прямо скажем, непедагогичный, но, в первых, не был обучен молодой сержант тонкостям педагогики, а, во вторых, все-таки помогал такой подход отобрать бойкого, верного бойца в отделение. Да и не всякий раз таким манером действовал Алексей. Умел уже на глазок прикинуть, чего человек стоит. И обучал потом умело: впрок пошла наука, подученная самим. От боя к бою креп авторитет командира отделения и его подчиненных. По освобожденной Польше к Одеру старшина Сергей Алексеев уже вел взвод разведки первого

получили ордена Красной Звезды. Но фашисты продолжали отчаянные попытки отбросить наши подразделения. «22 апреля», — сказано в памятном издании «Под знаменами танковой гвардии», — до роты пехоты с пятнадцатью танками и самоходками пытались прорвать наши боевые порядки. Взвод гвардии старшины Алексея отразил шесть вражеских атак». Просто сказать: отражено шесть атак. А ведь им пришлось отбиваться почти без боеприпасов, которые были на исходе. Выручили немецкие фаустпатроны, небольшой запас которых был захвачен несколько ранее. Когда стали гореть вражеские танки, немцы отхлынули. И в этот момент пуля ударила Алексея в низ живота. «Как палкой, — вновь почему-то подумал Сергей... — Только уж очень больно». Он еще не знал, что натворил этот фашистский гостинец, и оставался в строю, пока, отбив окончательно натиск врага, его не отправили в госпиталь.

Лишь в госпитале стало ясно, что у Алексея раздроблены кости таза, поврежден позвоночник. Он, как говорят, витал между жизнью и смертью. А однопольчане даже подняли за него похоронную чарку. Вот как писал Сергею Константиновичу в январе 1973 года бывший командир 17-й гвардейской мехбригады Л. Д. Чурилов: «Дело прошлое, но было это так: когда я после тяжелого ранения 18.3.45 г. лежал записываемый в госпитале, по окончании Берлинской операции мне сообщили, что Вы были тяжело ранены и скончались в госпитале. Так я все эти долгие годы и хранил Вас в памяти как погибшего Героя...».

Выжил гвардии старшина Алексеев. С душевным трепетом узнал, что подвиг его на огненном берегу Шпрее отмечен званием Героя Советского Союза. По пути домой из госпиталя в Кремль из рук Секретаря Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкина получил Золотую Звезду Героя и орден Ленина.

Время не щадит ни рядовых, ни именитых. От года к году тяжелеет походка Сергея Константиновича. Уже нет той легкости, которая была, несмотря на последствия ранения, еще лет восемь — десять назад. Все заметней легкая хромота. Но он не хочет расставаться с коллективом. И не потому, что нуждается в заработке: у него персональная пенсия союзного значения. Просто не мыслит себя вне коллектива, как не мог быть вне боевого строя в своем последнем бою.

— Только вот что-то пощелкивать стало в ногах и в месте ранения, — грустно шутит Алексеев.

Все — таки шутит! Зато, видно, и уважаем был подчиненными и любим командирами. Верно говорят о таких: мал да удал!

Нелегкой оказалась судьба солдата-героя. Как тут не вспомнить, что выпал ему несчастливый тринадцатый номер в ряду братьев и сестер. Да, видно, не вся сила в судьбе — больше ее в самом человеке. Потому не судьба стала поводом, а он — хозяином судьбы.

А. ЛАКИСОВ.

Хозяин судьбы

ИЗ ТОМИТЕЛЬНОГО забытья старшину Алексея вырвал чей-то ликующий голос: — Товарищи, победа!.. Полная победа!.. Кончилась война, братцы!..

Очнувшись, он увидел в палате полковника — начальника госпиталя и понял, что радостную весть принес он.

Его, конца войны, после взятия Берлина, ждали со дня на день, его услаждали каждым артиллерийским залпом, каждой строчкой автоматной очереди. И все-таки с трудом верилось, что все кончилось...

Начальник госпиталя ушел. В палате стоял оживленный гомон по поводу радостной вести. Сергей Алексеев, обычно всегда заряженный на озорную шутку, на веселый розыгрыш, в разговор не включился. Он как-то ушел в себя, заново переживая сообщение о конце войны. Представилось, что теперь ведь и домой скоро, мать, наконец, увидит. В нечестных, под диктовку, своих письмах она все беспокоилась, что не дождется Сереженьку — совсем слаба стала. (Ей в ту пору было уже под семьдесят). Теперь дождется, думалось Сергею. Он очень любил мать, но никогда, даже в мальчишестве не показывал этого: не принято как-то было. И вдруг до жути ясно представил: ведь не мать — он сам вполне свободно мог не дожидать до этого дня, до конца войны...

— Вполне свободно, — говорит Герой Советского Союза Сергей Константинович Алексеев и теперь, 36 лет спустя после того жаркого боя, на исходе которого фашистская пуля свалила его с ног. — Она ведь дурная, пуля-то, не выбирает куда бьет. А мне еще повезло...

Повезло. Разное оно бывает, везение. Иного горячий металл войны лишь ветром обдул, не коснувшись, — повезло. А его одна — единственная пуля так «задела», что восемь месяцев в госпиталях провалялся, с десятком операций перенес. Но и ему повезло: других-то сколько полегло сразу от такой вот одной единственной!

— Только тогда, во львовском госпитале я впервые как-то наяву осознал, что мог погибнуть, — раздумчиво де-

лится мыслями Сергей Константинович. — До этого как-то не задумывался о своей смерти. И что интересно: сколько на других смертей посмотрел — себя мертвым представить не мог.

Да, наверное, это и есть самое бесценное качество юности — вера в собственную неуязвимость, которая без раздумий вела молодых «и к смерти, и к бессмертной славе».

Внешность у Алексея совсем не героическая: невелик ростом, щупл.

— Это я после войны подрос еще немного, — подшучивает над собой Сергей Константинович, — а то совсем шкетом был. Наверное, потому такой, что в семье последним оказался. Да к тому же еще тринадцатым по счету.

Но, видно, столько было заложено в нем неуемной энергии, что хватило ее и на все военное лихолетье, и на то, чтобы выжить после тяжелого ранения. Да и теперь, когда, кажется, укатали сивку крутые горки, порой как ртуть подвижен Алексеев, искрится в нем энергия и в работе и в шутке, в живой, образной мысли. Много раз с ним встречаясь, я не видел его иным.

Родился Сергей Константинович в Челябинской области в 1922 году, но отчетливо начал помнить себя мальчишкой с Ленинско-Кузнецкой улицы Ветляничинской, отчаянным, непоседливым, озорным, которого, казалось, не будет предела. Думали в семье: оспепит школа — к знаниям Сережка тянулся с интересом. Но бьющая через край энергия мешала и там.

Со школой пришлось расстаться в 1938 году: умер отец, надо было работать.

Война застала Сергея Алексеева рабочим лесного склада шахты имени Кирова. В 20-х числах сентября 1941 года 250 человек из Ленинско-Кузнецкого, и Алексеев в их числе, прибыли к месту формирования 20-го Сибирского лыжного полка. Четыре

их земляков, за пережитый стыд отступления.

Первая вражеская пуля к нему оказалась снисходительной — стукнула по кисти левой руки. Почему-то вообразивший, что пуля входит в тело как игла и боль от нее колющая, Алексеев не понял сначала, что это за удар по руке, и недовольно буркнул, левому соседу: «Чего палкой балуешься?» — «Какая палка, — взглянув на его окровавленную руку, откликнулся сосед, — пуля тебя зацепила».

После двухмесячного пребывания в госпиталях Рыбинска и Ярославля Алексеев оказался на пересыльном пункте в Москве, откуда вскоре попал на формирование 17-й механизированной бригады, вошедшей в состав 6-го гвардейского мехкорпуса. Было это весной 1942 года.

В весенне-летних боях на Западном фронте Сергей Алексеев прошел хорошую школу полевой разведки, набрался опыта, понял своеобразную дерзкую тактику разведчиков, которая оказалась по душе его неуемной натуре. Учился подходу к вражеской позиции, захвату «языка», умелому отходу. Научился жевать табачок, чтобы отбить нехоти напавший кашель. Война не дает перерывов на отдых, поэтому днем учился, ночью работали в расположении врага.

В то лето на участке, где стояла часть Алексея, больших изменений линии фронта не было. Шли бои местного значения. Обе стороны вели усиленное изучение друг друга, и разведчикам работы было достаточно.

Хваток и дерзок оказался в этом деле Сергей. Без звука мог сделать проходы в проволочных заграждениях, неслышно подобраться к самым траншеям врага. Здесь он был удостоен первой награды — медали «За отвагу». Здесь стал сержантом, командиром отделения.

Отделение, с разрешения начальства, подбирал сам. Похаживал — вокруг

батальона 17-й гвардейской мехбригады, его грудь украшали две медали «За отвагу» и орден Красной Звезды.

17-я гвардейская мехбригада была одной из первых наших частей, вышедших 24 января 1945 года к Одеру, последнему крупному рубежу обороны немцев под Берлином. Надо было, не откладывая, провести разведку на левом, немецком берегу. Командир бригады Л. Д. Чурилов поручил это непосредственно взводу старшины Алексея.

Несмотря на зиму, по Одеру шел лед, надежных переправочных средств еще не было. На утлом плоту, сколоченном тут же на берегу, разведчики перебрались через реку. Противника вблизи не оказалось. Это позволило вызвать дополнительные силы и расширить фронт разведки, затем создать там плацдарм. Бригаде, благодаря этому, удалось успешно переправиться через Одер.

Старшина Алексеев за форсирование Одера стал кавалером ордена Красного Знамени. А затем последовало форсирование Нейсе. Алексеев провел смелую разведку, обеспечившую успех переправы части. Наградой ему стал орден Отечественной войны II степени.

Звездным часом, в прямом и переносном смысле, для Сергея Алексеева оказались бои на реке Шпрее в районе городка Шпрееберг. Это было начало Берлинской операции. В ночь с 17 на 18 апреля взвод Алексея, вновь первым, оказался на западном берегу Шпрее. Реку форсировали вброд, под огнем противника. Сергей уже пузыри пускать стал, да, наконец, поймал ногой дно и с новой силой рванулся к берегу, солдаты — за ним. Несмотря на сильный артиллерийско-пулеметный огонь, смельчакам удалось закрепиться на западном берегу. Они отбили несколько контратак противника и удержали плацдарм до переправы всего батальона. Все участники дерзкого рывка